

СУЛТАНЪ-САЛЭ.

(ДЖАНКОЙСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

И сто лѣтъ назадъ развалины Султанъ-Салэ стояли такими же, какъ теперь.

Бури и грозы не разрушили ихъ.

Видно, хорошіе мастера строили мечеть Султана-Салэ и зоркій глазъ наблюдалъ за ними.

А былъ Салэ раньше простымъ пастухомъ, и хата его была послѣдней въ Джанъкоѣ.

Какой почетъ бѣдняку! И не смѣлъ онъ переступить богатаго порога.

Но разъ, выгоняя коровъ на пастьбу, Салэ зашелъ на ханскій дворъ и увидѣлъ дочь бека.

Есть цвѣты, красота которыхъ удивляетъ, иные плоды заставляютъ забыть всякую горечь. Но у цвѣтовъ и плодовъ нѣтъ черныхъ глазъ, которые загораются любя; нѣтъ улыбки, что гонитъ горе, и въ движеніи нѣтъ ласки, отражающей рай пророка.

Салэ понялъ это, когда поднималась по лѣстницѣ Ресамханъ.

Съ тѣхъ поръ пересталъ ѣсть и пить бѣдный пастухъ, а старуха мать потеряла покой.

— Что случилось, спрашивала она сына, и молчалъ Салэ.

Но внезапно умерла Ресамханъ отъ рыбьей кости, и когда узналъ объ этомъ Салэ, не стало въ лицѣ его кровинки. Тогда открылось все матери, и поняла она, отчего обезумѣлъ сынъ, ея бѣдный Салэ, который ночью принесъ тѣло дѣвушки, вырытое изъ могилы.

Жемчугъ бываетъ разный. Жемчугъ слезъ, которыя родились въ любви, самый чистый изъ всѣхъ.

Плакалъ Салэ, обнимая тѣло, и отъ дыханія ли любви, отъ горячихъ слезъ его—стало теплымъ тѣло.

Бросился Салэ къ матери. И въ простотѣ сердца сказала мать, что не умирала Ресамханъ и, устранивъ кость, оживила дѣвушку.

Но какъ только Ресамханъ открыла глаза, поспѣшили Салэ укрыться отъ ея взора, ибо самый малый камешекъ можетъ смутить чистоту водъ хрустальнаго ручья.

Тронула сердце дѣвушки такая любовь, а великій Аллахъ далъ ей не одну красоту. Долго помнилъ потомъ народъ въ Джанъ-коѣ мудрость Ресамханъ.

И поняла она, что есть и чего нѣтъ въ пастухѣ.

— Пусть поидеть, сказала она старухѣ, въ Кефедѣ, на пристань; тамъ сидитъ Ахметъ-ахай; онъ дастъ Салэ на копѣйку мудрости, на копѣйку другой.

Проникъ въ душу пастуха Ахметъ-ахай своимъ взоромъ, когда пришелъ Салэ къ нему на пристань и далъ совѣтъ.

Одинъ:—Помни, не то красиво, что красиво, а то красиво, что сердцу мило.

И другой:—Цѣни время, не спрашивай того, что тебя не касается.

Улыбнулась Ресамханъ, когда мать пастуха рассказала о совѣтѣ Ахметъ-ахая.

— Пусть такъ и дѣлаетъ. И я скажу. Въ Кефедѣ стоятъ корабли. Хорошо будетъ, если возьмутъ Салэ на большой корабль. Въ чужихъ краяхъ онъ узнаетъ больше, чѣмъ знаютъ наши, и тогда первый бекъ не постѣснится принять его въ домъ.

Вздохнулъ Салэ, просилъ мать укрыть Ресамханъ, пока не вернется, и, нанявшись на корабль, отправился въ дальнія страны, и не вернулся назадъ, пока не узналъ моря, какъ зналъ раньше степь.

Въ степи—ширь и въ морѣ—ширь, но не знаетъ степь бурной волны, и тишь степная не страшитъ странника.

Когда корабль Салэ былъ у трапезундскихъ береговъ, повисли на немъ паруса, и много дней оставался онъ на мѣстѣ.

Тогда послали Салэ и другихъ на берегъ найти воду.

У черной скалы былъ колодезь, и корабельные поспѣшили спустить въ него свои ведра, но не вынули ихъ, потому что кто-то отрѣзалъ веревку.

— Нужно посмотрѣть—кто, сказалъ Салэ. Однако изъ страха никто не полѣзъ.

— Не полѣзу—все равно пропаду,—подумалъ Салэ и спустился къ водѣ.

У воды, въ пещерѣ, сидѣлъ старикъ, втрое меньше своей бороды; передъ нимъ красавица арабка кормила собаку, а вокругъ стояло тридцать три кола и на всѣхъ, кромѣ одного, торчали человѣческія головы.

— Собаныхъ-хайръ-олсунъ, привѣтствовалъ Салэ старика. И на вопросъ—какъ сюда попалъ, присѣвъ на корточки, рассказалъ, какъ случилось.

Усмѣхнулся старикъ.

— Если у тебя есть глаза, ты долженъ видѣть, куда попалъ. Какъ же ты не удивился и не спросилъ, что все это значитъ.

— Есть мудрый совѣтъ, отвѣчалъ Салэ, не спрашивай того, что тебя не касается.

Шесть разъ икнулъ волшебникъ, и встала торчкомъ его борода.

— Вижу, ты большой мудрецъ. Скажи тогда—что красивѣе; арабка или собака. Не задумался Салэ.

— Не то красиво, что красиво, а то красиво, что сердцу мило.

Плюнулъ въ ладонь старикъ и, замахнувшись ятаганомъ, снесъ головы арабкѣ и собакѣ.

— Когда разъ ночью пришелъ къ женѣ, я нашель чужого, и, по моему слову, женщина стала собакой, а мужчина женщиной. Ты видѣлъ ихъ. Потомъ приходили люди, не отвѣтили какъ ты. Зато бараньи головы ихъ на колу, а твоя останется на плечахъ.

И старикъ наградилъ Салэ. Кромѣ воды, вынесъ Салэ изъ-подъ земли ведро разныхъ камней.

Не бросилъ ихъ назадъ въ колодець, какъ совѣтовали корабельные, а послалъ съ первымъ случаемъ къ матери въ Джанъ-кой.

Пожалѣла мать, что камни, а не деньги, подумала—потерялъ Салэ разумъ, но Ресамханъ сказала старухѣ, чтобы позвала богатаго караима, и караимъ отдалъ за камни много золота, столько золота, сколько не думала старуха, чтобы было на свѣтъ.

А черезъ годъ возвращался Салэ домой и на пути въ Джанъ-кой встрѣтилъ табуны лошадей, и атары овецъ, и стада скота, и когда спрашивалъ—чи они, ему отвѣчали:

— Аги Салэ.

— Вѣрно новый богачъ въ Джанъ-коѣ, думалъ Салэ и не подумалъ о себѣ.

Много лѣтъ не былъ Салэ въ Джанъ-коѣ и не узналъ деревни; и упало у него сердце, когда не увидѣлъ своей хаты, а неподалеку отъ мѣста, гдѣ она была, стоялъ на пригоркѣ большой домъ, должно быть тоже Аги-Салэ.

Когда пѣтухъ пьетъ воду, онъ за каждый глотокъ благодарить Аллаха. Такимъ былъ Салэ съ тѣхъ поръ, какъ ожила Ресамханъ. Теперь поникъ онъ головою и въ печали сѣлъ у ограды новаго дома.

Но когда ждешь кого—зорко видитъ глазъ, и увидѣла Ресамханъ Салэ у ограды и послала старуху мать позвать Салэ въ его новый домъ.

Если падаешь духомъ, вспомни о Салэ и улыбнись его счастьемъ. Можетъ быть и къ тебѣ придетъ оно.

Первымъ богачомъ сталъ Салэ на деревнѣ, первымъ щеголемъ ходилъ по улицѣ, а когда садился на сѣраго коня, выходили люди изъ домовъ посмотрѣть на красавца-джигита.

Увидѣлъ его старый бекъ изъ башни ханскаго дворца, послалъ звать къ себѣ, три раза звалъ, прежде чѣмъ пришелъ къ нему Салэ, а когда пришелъ, позвалъ бека къ себѣ въ гости.

Угощаль Салэ старика и не зналь старикъ, что подумать. Никто, кромѣ Ресамхань, не умѣль такъ приготовить камбалу, поджарить каурму.

— Если бы Ресамхань была жива, отдалъ бы ее за тебя.

И тогда открыль Салэ беку свою тайну, и сорокъ дней и ночей пироваль народъ на свадьбѣ Аги Салэ.

Черезъ годъ родился у бека внукъ и стали называть его Султаномъ-Салэ.

А когда Султанъ-Салэ сталъ старымъ и не было уже въ живыхъ его отца, построиль онъ, въ его память, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла прежде хата, такую мечеть, какой не было въ окрестности.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ; не только люди—перемѣнились камни; въ Джанькоѣ не стало татаръ и давно уже живутъ греки, а стѣны мечети Султанъ-Салэ стоятъ, какъ стояли, гордя своиими арками и поясами.

Видно, хорошіе мастера строили ихъ и зоркій глазъ наблюдалъ за ними.

